

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ ВОСТОКА

I

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

I

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

ПЕРСИДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН XX ВЕКА

1

ИЗУЧЕНИЕ влияния европейской литературы на литературы восточные — задача крайне интересная и весьма нужная для теоретического литературоведения. Многие положения, доказанные пока классиками марксистского литературоведения только на материале западно-европейском, получают свое подтверждение и на этом новом материале. С другой стороны, некоторые отклонения, с первого взгляда как будто противоречащие принятым взглядам, будучи тщательно проанализированы, оказываются в свою очередь обусловленными специфическими чертами исторического процесса на Востоке и, таким образом, еще укрепляют позиции новой литературной науки.

Приступая к анализу западного влияния на персидскую литературу XX в., я сначала имел в виду охватить всю литературную продукцию Персии за последние тридцать лет. Однако, при такой постановке вопроса я или должен был бы дать целый солидный том, или же ограничиться одними общими положениями, не имея возможности показать самый материал. Эти соображения заставили меня отказаться от такого широкого охвата и ограничить работу одним только жанром, а именно «романом историческим». Выбор мой остановился именно на этом жанре в силу того, что, во-первых, этот жанр в настоящее время пользуется широким распространением и тем самым явно доказывает свою актуальность, во-вторых, специфическими особенностями этого жанра в Персии, крайне ярко вскрывающими некоторые черты ее общественной жизни и, в третьих, обилием материала, который именно в этой области мной мог быть использован сравнительно полно.

К сожалению чисто-методологически такой вырез известной части материала создает некоторые затруднения и невольно толкает исследователя

в сторону ошибок, которых, вероятно, мне не вполне удалось избежать и за которые я заранее приношу свои извинения.

Таким образом, задачей настоящей работы является анализ персидского исторического романа XX в. с целью 1) вскрыть его социальный эквивалент и 2) показать его зависимость от европейской литературы. После этих вступительных замечаний перехожу к самой теме.

2

Проникновение западно-европейского капитала в Персию ускорило крайне медленно протекавший до тех пор процесс капитализации страны. Не успели закончиться первые стычки кадjarской монархии с русским капиталом, как борьба городской буржуазии с феодалами начала приобретать отсутствовавшую до тех пор остроту. До XIX в. городская буржуазия (главным образом мелкая, в лице ремесленников, поддерживаемых в этом и купечеством) вела борьбу с феодалами путем чисто-пассивным, не идя далее критики, построенной на религиозно-мистической базе, окрашенной в пессимистические тона и проникнутой жаждой потустороннего утешения. Эта суфийская литература многим исследователям представляется типичным выразителем идеологии феодала, но факт свирепого преследования ее со стороны феодалов и их союзника — духовенства явно говорит о противном и ясно доказывает, что иногда под покровом суфизма скрывалась литература враждебного феодалам класса.

В первой половине XIX века движение буржуазии хотя и сохраняет свою религиозную оболочку, проявляясь в форме бабизма, но уже на этот раз программа его не ограничивается одним отречением от мира, а намечает постройку своего собственного мира на «этой» земле, стремясь заградить пути для вторжения иностранного капитала. Эти утопические чаяния буржуазия даже пытается защитить с оружием в руках, привлекая на свою сторону в известной мере и часть крестьянства. Не случайно, что движение бабидов особенно бурно разыгралось на севере Персии, где под влиянием торговли с Россией процесс капитализации развертывался особенно быстро.

Но до решительных боев было еще далеко. Восставшие были разгромлены и движение подавлено с неслыханной жестокостью. Буржуазия была еще слишком слаба и неорганизована и бороться с феодалами ей было не под силу. Борьба продолжалась в скрытой форме и вспыхнула в виде пожара только после русской революции 1905 г., завершившись созданием пародии на буржуазно-демократический парламент. Буржуазия начинает ощущать под ногами почву и, тем не менее, буржуазная революция все же

до логического конца не доводится. Довести ее до конца мешает, с одной стороны, слабость персидской буржуазии, в своем большинстве являющейся только обслуживающей сферу обращения, и почти полное отсутствие какой бы то ни было промышленности, с другой, — давление западного империализма, открыто поддерживающего феодалов. К этому в дальнейшем присоединяется еще и новый фактор — страх перед революционным движением трудящихся масс, которое, раз начавшись, может перерасти рамки буржуазной революции и привести к гибели и самую буржуазию. Отсюда проистекает резкий вольт вправо, устремление к «сильной власти», просвещенному абсолютизму, который, начавшись хотя бы с военной диктатуры, мог бы, с одной стороны, привести к повиновению феодалов, с другой, — раз и навсегда истребить революционное движение масс и обеспечить возможность развития для буржуазии. Эти тенденции привели к тому, что часть буржуазии приветствовала воцарение Риза-хана, желая видеть в нем своего защитника. Правда, эти ожидания оказались не совсем правильными, ибо Риза-хан, действительно беспощадно подавляя крестьянское и рабочее движение, на деле все же выступил только защитником интересов крупного помещика и верным слугой британского империализма, чрезвычайно мало интересующаясь судьбами персидской буржуазии. Но, повидимому, в данный момент персидская буржуазия из двух «зол» предпочитает меньшее и от всякого более или менее активного наступления сознательно воздерживается.

3

Все эти процессы, конечно, не могли не найти своего отражения и в области литературы, выражаясь в форме «литературной революции» или «европеизации» персидской литературы. Процесс обезземеливания персидских феодалов гонит их в города и создает довольно значительную армию чиновничества, заполняющую правительственные канцелярии. Из этих же кругов идет и пополнение офицерского состава каджарской армии. Уже во второй половине XIX в. под давлением событий, охарактеризованных выше, в среде этой военной и гражданской бюрократии начинает ощущаться все большее расслоение. На стороне правящего класса остаются только верхушки, обладающие почти неограниченной властью и широко пользующиеся возможностью набивать свои карманы всеми законными и незаконными способами. Младшие служащие материально необеспечены, почти лишены каких бы то ни было прав, ежеминутно стоят перед угрозой утраты и той сравнительно очень скромной позиции, которую они занимают. В результате, революционные идеи буржуазии находят здесь для себя пре-

красную почву и к моменту революции 1906—1911 гг. мелкое чиновничество и младший офицерский состав решительно переходят на сторону буржуазии. Эти-то круги и выступают в начале XX в. в качестве главных деятелей «литературной революции», решительно противопоставляя себя прежнему «придворному» поэту, выразителю идеологии феодальной аристократии. Первой задачей, стоявшей перед этими литературными деятелями, было разбить тематику феодализма, оторваться от его канонизированных почти тысячелетней литературой форм. Но ввести новые темы и перестроить всю литературную практику, пользуясь старым литературным языком, было невозможно. Задача усложнялась, таким образом, еще и необходимостью создания литературного языка, пригодного для достижения намеченных целей. Язык старой классической литературы, в XIX в. ставший условным литературным языком, для этого пригоден не был. Типичный продукт феодализма, язык этот заостренел и своими застывшими оборотами не мог передать живой речи буржуазии.

Первые шаги к разрешению указанных задач в Персии, как и во многих других странах Востока, осуществились в виде обширной переводческой деятельности, перенесшей целый ряд западно-европейских литературных произведений на персидскую почву. Сближение Персии с Францией в начале XIX в. имело своим последствием появление в персидской армии французских инструкторов и распространение в офицерских кругах знания французского языка. Эти знания теперь пригодились и мы видим, что первые переводы делаются исключительно с французского. За пятьдесят лет переводчики выпустили в свет несколько десятков переводов, причем среди переведенных книг первое место занимают произведения Вольтера, Дюма, Мольера, Лори, Бернарден де Сен-Пьера, Лесажа и Жюль Верна. Из не французских авторов за это время появились только Дефо (Робинзон Крузо), кстати переведенный опять-таки с французского и некий Рейнольдс, авантюрно-исторический роман которого был переведен опять-таки не с английского оригинала, а с перевода на хиндустани.

Список переведенных книг представляет собой необычайно пеструю картину, с первого взгляда может показаться, что между всеми этими авторами ничего общего нет. Однако, на самом деле кое-что общее во всех этих романах есть. Во первых, все это исключительно проза, стихов не переводит никто, во вторых, здесь нет почти ни одного произведения, которое не отличалось бы большой динамичностью и не давало бы драматического действия на фоне авантюрной интриги. В третьих, все эти произведения переводчиками воспринимались как книги, имеющие целью позна-

комить персидского читателя с жизнью и историей Запада. Интересно отметить, что романы Дюма шли под флагом «истории» и воспринимались как научная работа.

Подбор, который мы видели, не случаен. Конечно, не нужно думать, что переводчики сознательно выбирали книги. Оригиналы попадали им в руки часто случайно. Но из всего того, что могло попасть им в руки, отобраны только такие произведения, которые резко контрастируют со старой классической литературой. Если классический период давал почти исключительно поэзию, то теперь мы видим почти исключительно прозу. Если старая поэзия отличалась описательным характером, психологизмом и почти полным отсутствием действия, то теперь ее место заняли мелькающие как кинематограф романы Дюма. Наконец, на смену «вымышленным» героям романтической поэмы, дивам и пери пришли «взаправдашние» французские короли и их двор. Одним словом, переводы эти рассчитаны уже не на прежнего читателя — феодального аристократа, а на читателя нового. Не даром среди переведенных авторов такое видное место занимают излюбленные авторы западной буржуазии.

Как уже было сказано, переводы эти сыграли огромную роль для легализации нового литературного языка. Применение размеренных периодов, пересыпанных рифмами, при переводе этих романов было невозможно. Хотя некоторые из первых переводчиков и пытались в своих работах применить старый классический язык, но вскоре им пришлось убедиться в полной его непригодности. Мы уже указывали на связь первых переводчиков с правительственными канцеляриями и т. п. учреждениями. Неудивительно, поэтому, что при выработке нового литературного языка, главнейшую роль сыграл именно канцелярский язык, бесцветный и избыточный штампованными оборотами. Слабость персидской буржуазии помешала ей взять непосредственно на себя литературное творчество и заставила ее проводить свои идеи в литературу чужими руками. Эта слабость не изжита ею и доныне и потому до сих пор процесс создания нового литературного языка еще не нашел своего завершения. В языковом отношении романы 1931 г. ничуть не лучше первых попыток начала XX в., хотя вместе с тем первые ласточки уже есть, и такая книга как новеллы Джемаль-задэ (Яки буд, яки на-буд) показывают, что преодоление канцелярского штампа вполне возможно.

4

Деятельность переводчиков указала персидским авторам путь, который легче всего мог привести их к намеченной цели и уже в первом

десятилетия XX в. появляются и оригинальные произведения на персидском языке. Я уже указал, что в настоящем небольшом этюде намерен затронуть только один жанр из новейшей литературной продукции Персии, а именно роман исторический. К рассмотрению важнейших из этих романов мы теперь и приступим, причем начнем с краткой характеристики каждого из них в отдельности. Подвергать каждый из них обстоятельному критическому анализу едва ли целесообразно, ибо художественная и социальная ценность их не особенно велика. Поэтому мы ограничимся сжатой характеристикой их, рассмотрение же необходимых для нашего анализа деталей отнесем в конец, где будем рассматривать всю эту продукцию как одно целое, отмечая общие ее черты.

Повидимому, первым историческим романом на персидском языке нужно признать роман *Ҷан'ати-зāдэ* Кирмāнӣ «*Dām gustarān jā intiqām-xāhān-i Mazdak*» («Расставители тенет или мстители за Маздака»), первый том которого был написан автором его (тогда еще 14-летним юношей) еще в 1317 г. (1899—1900). Напечатан он был, однако, значительно позднее, а именно только в 1920—1921 г. в Бомбее, а второй и последний том увидел свет в Тегеране в 1925—1926 г.¹ В предисловии к первому тому издатель указывает на то, что до этого романа все персидские романы были переводными (что не совсем верно, так как в печати до него успели появиться два оригинальных романа, как мы это увидим дальше), и что это первый оригинальный роман на персидском языке. Ценность его, по мнению издателя, в том, что он ясно показывает причины, вызвавшие утрату Персией национальной независимости, а именно, порчу нравов. Автор, написав первый том, не хотел заканчивать романа, но, увидев лестный отзыв Эд. Броуна, все же написал и второй том.

Действие романа относится к последним годам царствования сасанидов и изображает гибель этой династии, арабское завоевание и смерть последнего сасанида Йездегирда. На этом фоне разворачивается довольно примитивная романтическая история, самостоятельного значения не имеющая и играющая роль вставного эпизода. Автор пытается установить причины падения сасанидского престола. В его изображении они сводятся к личным качествам Йездегирда — трусливого тирана, ради спасения престола готового на любые жестокости, отсутствие честных и преданных людей при дворе и проискам тайного общества Маздакитов, предающего страну, для того, чтобы отомстить сасанидам за смерть основателя общества —

¹ О нем см. Ed. Browne, *A History of Persian Literature in modern times*, Cambridge, 1924, стр. 466.

известного Маздака. Тирану Йездегирду противопоставлен вождь Маздакитов — Махой, плотник по профессии, неутолимый мститель, по пятам преследующий тирана и, наконец, поражающий его кинжалом в заброшенной мельнице. Фигура Махоя совершенно ясно возникла под влиянием знаменитого «Графа Монте-Кристо», причем помимо основной фигуры этот роман Дюма дал автору еще целый ряд деталей. Особое внимание автор уделяет зороастрийским жрецам — мобедам, которых он рисует в самых мрачных тонах, наделяя их, между прочим, всеми характерными чертами теперешнего мусульманского духовенства.

Наиболее интересная черта этого романа в том, что в его изображении распатанная засилием духовенства тирания рушится под ударами двух сил — внешнего врага (арабов) и внутреннего — революционного общества маздакитов, во имя мести губящих национальную независимость Персии. Здесь совершенно явно отражается страх персидской буржуазии перед революционным движением, которое может смести ее с лица земли. Отсюда стремление пострадать читателя утратой «независимости», которая может наступить в результате деятельности революционных сил.

Художественная ценность романа очень невелика. Построение крайне примитивно, характеры обрисованы бледно и схематично. Главное место занимают все аксессуары авантюрного романа — тайные заседания, потайные двери, ночные дуэли и т. п.

Вторым по времени написания идет громадный роман Мухаммад Бāкир-мирзы Хусравī «Şams u Tughrā». Роман этот был начат автором в августе 1907 г. в Кирманшахане во время бахтиарского восстания. Автор в это время скрывался в одной из деревень около города и использовал свой досуг для писания романа. Закончен он был 23 шаввала 1327 г., т. е. 7 ноября 1909 г.

Действие этого романа переносит нас в XIII в., в эпоху правления ильханов, когда Фарсом от имени монголов управляла известная Āбиш-хātун (1263—1287 г.), а верховным правителем Персии был Абага-хан. Хусравī широко использовал персидских историков и в начале своего романа дает список всех трудов, которые им были привлечены. Каждую из этих книг он снабжает определенным шифром и включаемые им в текст романа выписки (буквальные) снабжает соответствующей буквой. Количество этих выписок весьма велико. Широко использованы описания городов, детали отдельных исторических событий и т. д. Таким образом создается богатый исторический фон, на котором и развивается действие громадного романа, занимающего целых три тома *in folio*. Собственно говоря, это три

самостоятельных романа, объединяемых в одно целое только общностью героев.

Главный герой романа — молодой воин Шемс, ведущий свой род от древних правителей Фарса Буйдов, но к моменту начала романа обедневший и обладающий только небольшим поместьем в одном из уголков Фарса. Случай сталкивает его с дочерью монгольского вельможи Тугрā. Молодые люди влюбляются и дальнейшее действие романа изображает их борьбу за преодоление препятствий к соединению. Препятствий этих много. Тут и запрет правительства, не позволяющий монголам соединяться с «таджиками», и военные действия, плен у пиратов и т. п. К этому присоединяется вторая линия, рисующая подвиги Шемса при ширазском и монгольском дворах, находку громаднейшего клада, постройку фантастического дворца с подземными потайными ходами и все прочие принадлежности авантюрного романа.

Автор всеми мерами стремится изобразить Шемса как идеал благородства, чистый тип рыцаря. Но у читателя складывается несколько иное представление. Несмотря на все уверения автора, Шемс предстает перед нами как довольно подозрительная личность, ловко втирающаяся в доверие сильных мира, в случае необходимости не останавливающаяся перед самыми темными средствами для достижения своих личных целей.

Зато вполне безупречны его отношения к Тугрā, идеализованные до последнего предела. В общем, не нужно большого труда, чтобы узнать в Шемсе комбинированные черты д'Артаньяна и Монте-Кристо, обладателя сказочных богатств.

Окружает героев ряд феодалов разных степеней — все это жестокие тираны, развратники, пьяницы, соединяющие в себе все отрицательные свойства. Придворные — льстивые лицемеры, за спиной старающиеся всячески повредить своим «друзьям». Рядом с ними выступают «пехлеваны», затем представители кочевых племен и т. п., которых автор сильно идеализирует, изображая их честными, смелыми воинами, не лишенными, однако, некоторой природной хитрецы.

Язык произведения значительно ближе к живому языку, чем язык романа Сан'атй-зāдэ, но особым богатством не отличается. Основная тенденция романа ясна — возвеличить обедневшего аристократа, проникнутого буржуазным демократизмом, и противопоставить его массе феодалов, — своего рода идеализация «мелкого офицерства».

Художественно произведение это значительно ценнее первого романа и содержит не мало довольно ярких страниц.

Третьим по времени идет роман «*İşk u saltanat*» («Любовь и власть») Агā шейх Мӯсā, ректора медресэ Нусрат в Хамадане, законченный в 1916 г. и напечатанный первый раз в Хамадане в 1919 г., второй раз в 1924—1925 г. в Бомбее. О романе этом несколько слов уже было сказано Эд. Броуном,¹ однако кроме нескольких мелких деталей английский иранист ни на что внимания не обратил.

Автор имел в виду дать целую серию романов, охватывающих значительный период истории Персии. Первый роман он закончил в шесть месяцев, но потом целых три года не мог его напечатать и поэтому охладел к своему плану и второго романа не закончил.

Роман представляет собой не что иное как известную историю основателя династии Ахеменидов Кира, изложенную в виде романа. Источником служил французский перевод Геродота и некоторые французские работы по истории Персии. Поэтому все имена собственные даются в офрануженном виде, вроде Сиагзар, Жупитер (кстати, это имя автор считает женским) и т. п. Источники автором несколько изменены, в частности; подвиг Кира объясняется мотивами романтического порядка.

Установка романа явно дидактическая — книга должна ознакомить читателя с историей Древнего Востока (правда, в довольно суммарном виде).

Главный герой Кир обрисован весьма расплывчато. Это смелый воин, глубокий ученый, мудрый политик, но при всем том реального в нем нет ничего. Заслуживают внимания выраженные демократические тенденции его. Так, он говорит, например (стр. 22), что «султан во всех отношениях равен любому из своих подданных». Это, однако, не мешает ему обращаться с этими подданными довольно таки властно. Ему противопоставлен Астиаг — трусливый тиран, алкоголик, окруженный магами, жестокий и безжалостный.

Чрезвычайно выпукло проходит линия обличения зороастрийского духовенства — взяточников, развратников, бездельников и т. п. Однако, вместе с тем, автор постоянно оговаривается, что сама религия безупречна, что ее трогать нельзя. Кир, борясь с магами, в то же время всякий шаг свой стремится санкционировать религиозными предписаниями.

Язык романа — сухой, стиль канцелярского документа. Индивидуализации речи действующих лиц нет. Говорят они все одним и тем же шаблоном, близким к канцелярскому языку. Художественная сторона языка не разработана и в этом отношении никакой ценности книга не предста-

¹ Op. cit., стр. 464.

влет. Западное влияние сказывается в самой форме и отдельных эпизодах, совершенно явно ведущих опять-таки к тому же Дюма.

Та же самая тема разрабатывается и четвертым романом «Dāstān-i bāstān» («Повесть о древних»), принадлежащим перу мирза Хасан-хана Нусрат ал-вазэра Балй'. Закончен этот роман в 1920 г. и вышел в свет в Тегеране в 1921 г. Автор в предисловии довольно обстоятельно говорит о задаче, которую он себе ставил. «Европейцы, говорит он, включают научные и общественные темы в свои романы. Многие из этих романов переведены на персидский язык, но все это история Запада, для возбуждения национальных чувств они бесполезны. Надо создать чисто-персидские произведения и, лучше всего, о великих царях прошлого, ибо это напомнит нам о древнем величии и могуществе Ирана, воплотит перед нами нашу народную гордость и честь и тем умножит наш патриотизм и любовь к нашему народу».

Как уже сказано, темой этого романа служит та же самая легенда о возникновении государства Ахеменидов. Но на этот раз автор не ограничился пересказом Геродота, а значительно усложнил свое повествование, введя в него в качестве дополнительного героя Бижена — главное действующее лицо романа «Бижен и Манижэ», части «Шāхнāмэ» Фирдоуси. История любви Бижена и Манижэ изложена в полном соответствии с Фирдоуси, но в конце к ней прибавлено длинное описание путешествия Бижена по Переднему Востоку. Путешествие это, сопряженное с тысячами опасностей (переодевания, плен у пиратов и т. п.), Бижен совершает по поручению Кира с целью военного шпионажа. Завершается роман завоеванием Лидии, взятием Вавилона и счастливым соединением Бижена и Манижэ.

Дидактический элемент чрезвычайно силен и здесь — мы находим в романе целых 12 очерков истории Древнего Востока. Источники те же как и у шейха Мұсы, только к ним присоединяется еще Шāх-нāмэ. Центральные фигуры опять те же — знакомый нам тип восточного деспота Астиаг и противопоставленный ему мудрый и справедливый правитель Кир, здесь также чрезвычайно идеализированный и расплывчатый. Хотя в начале романа Кир занимает главное место, но в дальнейшем его оттесняет на второй план Бижен, рыцарь немного средневекового типа, являющий чудеса храбрости в борьбе с дикими зверями, злодеями всех видов и даже драконом. Как и Шемс он тоже отличается совершенно необычайной верностью в любви, Шемса он напоминает также и некоторой плутоватостью. Он тоже умеет ко всем втираться в доверие, в случае необходимости лгать и притворяться и, вообще, искусно ведет свою линию.

Героев окружает бесконечная галерея второстепенных персонажей всех сословий, на которых останавливаться не будем. Упоминания заслуживает систематическое обличение жрецов всевозможных култов — все они развратники, обманщики, жестокие злодеи, помышляющие только о своем благе.

Чрезвычайно большой интерес представляют политические высказывания, вложенные в уста правителей древнего Ирана. Отец Кира говорит: «Надо стараться, чтобы люди в полной свободе занимались ремеслом и торговлей. Счастье страны в торговле, промышленности и земледелии. Нужно стараться, чтобы импорт страны не превышал ее экспорта. Одна из важнейших причин процветания и прогресса страны — ее торговля».

К этому можно присоединить еще и тот факт, что Бижен во всех посещенных им городах сугубое внимание обращает на положение торговли, причем повсюду страны процветают только тогда, когда торговля их хорошо развита. Таким образом, этот роман еще ярче трех предшествующих подчеркивает линию торгового капитала и отстаивания его интересов, совершенно не считаясь с тем фактом, что во времена Ахеменидов, к которым отнесено действие этого романа, торговля едва ли могла играть такую первенствующую роль.

По языку этот роман наиболее интересен резко выраженным расчленением на разные стили. Придворные говорят изысканным языком, близким к образцам классической прозы, второстепенные персонажи — живым разговорным языком буржуазии наших дней. Влияние западных образцов сказывается только в общем построении и некоторых мелких деталях, в основном же почти все произведение построено из обломков классических традиций.

Наконец, пятый роман, на котором мы пока и закончим свой обзор, написан тем же Сан'ати-зэдэ, перу которого принадлежит и роман о последователях Маздака. Это «Dāstān-i Mānī-Naqqāš» («Повесть о художнике Мāнī»), вышедшая в Тегеране в 1926—1927 г. Роман этот в чрезвычайно сумбурной форме пытается познакомить читателя с фигурой основателя секты манихеев — знаменитого Мāнī. С историческим Мāнī, о котором, впрочем, мы знаем не слишком много, эта фигура, повидимому, имеет весьма мало общего. Автор совершенно не давал себе отчета в том, какие цели преследовал знаменитый ересиарх и чего добивался. Роман — сплошное нагромождение таинственных событий, подернутых туманом мистики и каких-то совершенно необъяснимых и непонятных поступков героя. Впрочем, может быть это объясняется отчасти тем, что мы располагаем только пер-

вым томом, а второй пока еще не написан. Думаю все же, что даже и второй том не сможет сделать Мāнī более правдоподобным и убедительным. Центральную часть романа занимает борьба Шапура с византийским императором Валерианом и победа персов над византийцами, хотя, собственно говоря, весь этот эпизод к самому герою имеет весьма мало отношения.

Наряду с главным героем мы опять-таки и здесь находим два типа монархов — жестокого, пьяного и развратного Валериана и противопоставленного ему энергичного и демократично настроенного Шапура. Чрезвычайно интересен тип одного из второстепенных действующих лиц — молодого помещика феодала, беспощадно притесняющего своих крестьян. Тип этот безусловно списан с натуры и не представляет редкости в Персии и доньше. Как и во всех предшествующих романах и здесь обличаются жрецы — «ленивые медведи», в лучшем случае являющиеся бесполезными паразитами, в худшем — зловредными обманщиками.

Влияние Запада и здесь весьма незначительно и исчерпывается несколькими эффектными деталями, заимствованными из авантюрного романа Андрэ Лори «Le secret du mage».

Этими пятью историческими романами продукция последних лет не исчерпывается: сюда можно было бы еще добавить выпедшие в 1930—1931 г. роман «Lāzīkā», написанный Камālī и историческую пьесу «Parvīn duxtar-i Sāsānī», произведение Садīқ Хидāята, но так как оба эти произведения ничего существенного к полученной нами картине не добавляют, то от рассмотрения их я воздержусь.

5

После всего сказанного определение социального эквивалента персидского исторического романа первой четверти XX в. уже особых трудностей не представит. В самом деле, основные черты выступают в нем необычайно ярко. Прежде всего, почти все романы (из семи упомянутых нами — шесть) переносят действие в домусульманскую Персию, мотивируя это тем, что рассказ о былом величии страны должен повысить патриотические и националистические чувства читателя. Характерно, что в одном случае мы имеем показ гибели национальной независимости, в другом же, единственном романе из мусульманского периода, резко подчеркнутые указания на тягость существования под иноземным гнетом.

Далее, все романы ставят себе определенную задачу дать уничтожающую критику феодализма, обнажить все его язвы и показать внутреннюю несостоятельность. Это достигается как путем показа феодального власте-

лина, так и окружающих его помещицко-рыцарских кругов. Наряду с этим, в качестве положительных типов, выдвигаются обедневшие дворяне, младший состав офицерства, в некоторых случаях отдельные представители чиновничества и купечества. К духовенству отношение резко отрицательное, но таково оно только по отношению к духовенству; религия как таковая не затрагивается, даже напротив, местами подчеркивается чистота и неприкосновенность ее. Разврату феодала противопоставлена необычайная чистота нравов, «семейственность» главных героев, путем чудовищных самопожертвований, строящих свое семейное счастье.

Всего этого вполне достаточно, чтобы установить, что в основном творцом этой литературы должен быть признан персидский торговый капитал. Отсюда проистекают все свойства этого романа, начиная от подчеркнутого национализма, объясняемого тем, что персидское купечество желает сохранить свой рынок за собой, оградить его от вторжения капитала западно-европейского, и кончая борьбой с духовенством, главным оплотом феодальной реакции в Персии. Характерно также и то, что борьба с духовенством в этой литературе отнюдь не означает еще борьбы с религией, так как такого рода борьба буржуазией, конечно, вестись не может. Борьба с феодализмом и защита национальной независимости — вот основной лозунг всех этих романов.

Художественная малоценность всех этих произведений легко объясняется слабостью и неорганизованностью торгового капитала в Персии. Не нужно забывать, что мы находим там преимущественно мелкого торговца, маклера, посредника для западно-европейского капитала. Это мешает персидскому торговому капиталу принять более четкие формы, более ясно осознать свои задачи и цели, а тем самым препятствует и художественному творчеству этого класса. Характерно, что борьба с феодализмом во всех романах без исключения ведется не особенно энергично и стремления героев не идут дальше создания демократической конституционной монархии. Здесь сказывается страх персидской буржуазии перед революционными силами, тот самый страх, который привел почти всех лидеров «социалистической» партии Персии в лоно полицейского режима Пехлеви.

Остается отметить еще один факт — крупную роль, которую играют в этих романах деклассированные помещики и офицерство. Эта сторона легко объясняется тем, что именно эти круги, т. е. мелкая интеллигенция, чиновничество, низший офицерский состав и т. п. в силу своей материальной необеспеченности в Персии примыкает к буржуазной оппозиции. Их то руками и созданы все эти романы, ибо само купечество при своей отста-

лости не может выдвинуть из своей среды необходимые писательские кадры. Этим объясняется и неоднократно отмеченная выше сухость языка, невольно выдающая своими оборотами те круги канцелярских чиновников, из которых выходят авторы.

6

Итак, персидский исторический роман создан персидским торговым капиталом. Тем самым, однако, уже заранее определяется неизбежность западного влияния на эту литературу и притом влияния исходящего от аналогичного класса в более или менее близкой стадии развития. Выше мы отметили, что черты влияния французской литературы почти во всех этих романах вскрываются без особого труда, но отметили также и тот факт, что влияние это по большей части не особенно глубоко и не идет далее заимствования общей формы и некоторых деталей в развертывании сюжета. Здесь нужно попытаться ответить на вопрос, почему же это влияние исходило именно из Франции, когда экономические и политические связи гораздо теснее соединяли Персию с русским и английским империализмом. Объясняется это, по моему мнению, тем, что русский и английский империализм во всей истории XIX—XX вв. выступал в Персии как открытый союзник персидского феодализма. Поэтому для персидской буржуазии обе эти литературы были настолько одиозны, что о влиянии их уже не могло быть речи. Хищническое лицо французского империализма персидская буржуазия разглядеть еще не умела, и потому Франция ей представлялась сравнительно безобидной. Кроме того французская литература — наиболее развитый тип буржуазной литературы и уже по этому одному она больше всего отвечает потребностям персидской буржуазии. Однако несомненно, что в смысле стадий развития персидский торговый капитал еще крайне далек от той точки, и с которой было бы возможно полное понимание тех образцов, к которым он тянется. Отсюда и слабость влияния, сводящаяся к внешнему механическому заимствованию. Отсюда невозможность переноса типичных для западной литературы тем на персидскую почву, где они явились бы чуждыми и непонятными.

Таким образом, установленный трудами Плеханова и Фриче закон об условиях, при которых возможно влияние одной литературы на другую, целиком оправдывается и здесь с той только разницей, что политические условия и нахождение Персии в центре внимания капиталистических держав приводит к некоторому искривлению силовых линий влияния

и связывает Персию с той страной, с которой экономическая связь ее наиболее слаба.

В заключение еще одна деталь. Почему из всей французской литературы именно романы Дюма оказали сильное влияние на персидский роман и толкнули его в сторону романа исторического? Здесь придется отметить, что Дюма, хотя и использует в своих романах преимущественно самые высшие круги старой Франции, но вместе с тем в качестве героя избирает не типичного представителя феодалов, а деклассированного обедневшего аристократа (д'Артаньян) или даже и представителя мелкой буржуазии (Монте-Кристо). Таким образом, герои Дюма невольно привлекали к себе внимание мелкой буржуазии, излюбленным чтением которой они всегда являлись. Не случайно поэтому, что из всех романов Дюма именно «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо» привлекли наибольшее внимание, и герои персидского исторического романа стремились приблизиться именно к этому идеалу. Далее, нельзя не признать, что в формальном отношении романы Дюма с их пестрым, быстро сменяющимся действием являются одним из самых ярких контрастов к статичной, посвященной психологическому анализу героев и тягучей поэме феодальной Персии. Установка на Дюма как нельзя ярче подчеркивает полный разрыв с феодальными традициями и устремление к новым задачам. Наконец, главное обаяние для мелкобуржуазного читателя в романах Дюма составляют эти «сильные личности», храбростью, изворотливостью и сметкой прокладывающие себе путь в жизни. К этой сильной личности персидская буржуазия тяготеет уже давно. Ей нужен герой, который смог бы защитить ее интересы от нападений как справа, так и слева, который мог бы обеспечить ей «процветание национальной торговли и промышленности». В поисках этого героя она неустанно пребывает с самого начала XX в. и эти то поиски и приводят ее в объятия темных авантюристов от сенд Зия уд-дина до Риза-хана. Эту сильную личность персидская буржуазия нашла в романах Дюма и по своему преобразив, отразила в образе «покровителя экспорта» Кира и его преданных рыцарей. Таким образом, посвященный древнейшему прошлому роман в результате оказался выразителем совершенно иных тенденций и ярко выявил надежды и мечты персидской буржуазии.

Итак, в результате нашего рассмотрения персидских романов мы можем прийти к следующим выводам. Персидский исторический роман сложился впервые в начале XX в. и отражает собой борьбу персидской городской буржуазии против феодализма и его приспешников в лице крупного землевладения и духовенства. Развивался этот роман в силу осо-

бого положения Персии, зажатой в тисках двух крупных империалистических держав, под влиянием французской литературы и в первую очередь исторических романов, но по причине отсталости и слабости персидского капитала влияние это не является особенно глубоким, а распространяется преимущественно по поверхности, ограничиваясь чисто внешним подражанием.

18 X 1931
